

По призыву графа Ланжерона одесситы приняли решение увековечить память о своем бывшем градоначальнике. На пожертвованные ими деньги был заказан в Петербурге у крупного русского скульптора Ивана Петровича Мартоса памятник Ришелье. 22 апреля 1828 г. на Приморском бульваре состоялось торжественное открытие памятника герцогу Ришелье, ставшего для поколений жителей Одессы достойным знаком благодарности и признательности этому незаурядному политическому деятелю и человеку, оставившему столь заметный след в отечественной истории.

Сергей ЛУЦИК

Аресты бывших офицеров осенью 1920 года в Одессе

При работе над комментарием к повести В. Катаева "Уже написан Вертер" было пересмотрено множество дел Гос. архива Одесской области (далее ГАОО) за 1920 год в попытке разыскать следы ареста и заключения Катаева, тогда вернувшегося с фронта молодого офицера. Никаких упоминаний фамилии будущего писателя обнаружить не удалось, но попутно встретились два дела, наполненные перепиской о преследовании бывших офицеров в конце 1920-го. Такова приятная особенность архивных изысканий: нужна одна информация, а находишь совсем иную, не менее важную! И хотя содержание забытых документов остается за пределами круга интересов автора настоящей публикации, показалось необходимым ввести их в научный оборот для будущих исследователей той трагической эпохи.

Оба дела — из фонда Р-4509, оп. 1, Одесского губернского военкомата за ноябрь-декабрь 1920 года. Одно из них имеет название: "Часть След[ственно] судная. О перерегистрации б[ывших] офицеров и военных чиновников для отправления в тыл (Д. 64, 392 листа). Другое дело (Д. 63, 235 листов) — без заголовка, содержит часть таких же материалов, а некоторые — идентичные копии — повторяются в обоих томах¹.

Переписка начинается документом от 6 ноября 1920 года на бланке "Одесской Губернской Чрезвычайной Комиссии" с печально известным адресом "Маразлиевская, 40а". Прочитируем его полностью, со всеми особенностями грамматики оригинала: "Губвоенкому Богданову. Присем препровождаю список быв. Офицеров Военных Чиновников арестованных военным Отделом О.Г.Ч.К. и содержащихся в Особой Тюрме на Екатерининской 7, для на Ваше распоряжение для отправки их в Тыл. Приложение: Список Офицеров. Зам. Предгубчека Заковский"².

Текст письма нуждается в комментарии. Прежде всего, бросается в глаза безграмотность вершителей человеческих судеб. Адрес "Особой тюрьмы" — Екатерининская улица, 7 — до сих пор не попадался. В старых и современных источниках обычно фигурируют три здания ЧК на Екатерининской площади и блок домов на Маразлиевской, 40 — Канатной, 29. Оказывается, чекистами был занят еще и жилой дом на Екатерининской, 7, рядом с Пале-Роялем. В последующих документах есть ссылки на но-

мера камер, в которых содержатся арестованные, самая большая цифра — камера № 14³.

Подписи и резолюции заместителя председателя Одесской Губчека Заковского встречаются на многих бумагах описываемых дел. Известно, что он ведал в ЧК военными вопросами, позднее стал председателем, затем — начальником Губотдела ГПУ. В собственноручной анкете 1924 года Заковский указывает: год рождения — 1894, коммунист, член партии с 1913 года, образование — "нисшее, 4х-кл. гор. у-ще", национальность — латыш, профессия — металлист⁴. После убийства Кирова Заковский возглавил организацию ГПУ в Ленинграде, в годы "ежовщины" получил орден Ленина "за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших заданий правительства"⁵ и был назначен заместителем наркома внутренних дел⁶, а вскоре, очевидно, ликвидирован. По информации Ф. Зинько, "Леонид Михайлович Заковский" — псевдоним, подлинное имя — Эрнест Эрнестович Штубис⁷. По многим данным, именно Заковский инициировал в Одессе все кампании преследований бывших офицеров. В 1920-м ему было всего 26 лет.

На последующих листах — приложенный к упомянутому письму из ЧК "Список Быв. Военных чиновников и Офицеров подлежащих к отправлению в Тыл"⁸ (орфография оригинала). Перечислено 315 человек, указаны: фамилия, имя и отчество, возраст и "Военский чин". Возраст высылаемых колеблется от 22 до 67 лет, чины — от прапорщика до генерал-майора. Около 30 процентов — молодежь 22-32 лет, в основном прапорщики, подпоручики и поручики, получившие погоны уже в период войны 1914-1918 годов. Среди кадровых полковников (41 человек) и генералов (6) — многие уже в отставке, иные — из тыловых учреждений. Упомянуты три врача и один ветеринарный врач. Большую группу, 117 человек, составляют "военные чиновники".

Современному читателю трудно разобраться с термином "военные чиновники", некоторые из них именуется еще "чиновники военного времени". Можно думать — одни кадровые, вторые мобилизованы в период войны. В начале декабря 1920-го всеми заполнялась "Анкета для бывших офицеров и военных чиновников", сохранилось 194 документа⁹. Вот записи некоторых из чиновников:

29 лет. Помощник бухгалтера при Управл. интенданта армий Румфронта;

37 лет. Завед. Бердянским продовольст. пунктом;

36 лет. Письмоводитель;

32 года. Писарь старшего разряда;

30 лет. Оружейный техник. Коллежский регистратор;

31 год. Заведующий гуртом скота в <...> Окружном интендантстве;

45 лет. Надворный советник. Делопроизводитель, казначей в Интенд. вед.;

31 год. Юрист. Коллежский секретарь. Пом. нач. отдела в Управлении путей сообщения.

Кому могли угрожать эти писари — непонятно...

На полях перечня офицеров приписка рукой Заковского: "По настоящему списку имеется на лицо 279 человек. Вычеркнутые красным карандашом освобождены О.Г.Ч.К. 6.11.20"¹⁰. В тот же день на письме из О.Г.Ч.К. появилась резолюция губвоенкома: "Судн. Следств. части. Освободить с отобранием подписки явиться по первому требованию Губвоенкомата"¹¹. Сохранилось несколько "Удостоверений" за подписью начальника Следственно-судной части Губвоенкомата с однотипным текстом: "Дано сие гр. <...> в том, что он действительно 15 октября сего года был по распоряжению О.Г.Ч.К. арестован и содержался в Особой тюрьме на Екатерининской 7, где у него были отобраны документы. Означенный <...> 7 сего ноября из-под стражи освобожден и обязан по первому требованию Одесского Губвоенкома явиться в Следственно-Судную часть (Пироговская 6)"¹².

Информация о прошедших в Одессе арестах дошла до вышестоящего Киевского окружного комиссариата по военным делам. В Одесский губвоенкомат 9 ноября 1920-го был послан запрос: "<...> большинство учреждений в Одессе, подведомственных Киевскому военному округу, поставлены в катастрофическое положение вследствие изъятия со службы и ареста Одесской Губчека бывших офицеров и чиновников. Многие учреждения остались не только без технических работников, но и, вообще, компетентных лиц, что отразилось на продуктивности и планомерности работы <...> большинство арестованных относилось пассивно-сочувственно к Советской власти и чуждо всякой политической работы, представляя собою людей, исключительно занятых добыванием насущного куса хлеба <...> они приносили пользу Советской республике <...> аресты большей частью производились огульно, без всяких фактических материалов, преимущественно на основании того, что это бывшие офицеры и чиновники <...> прошу Вас сообщить мне, о причинах ареста <...> сколько именно их арестовано и в каких учреждениях"¹³.

Обстоятельства этой очередной кампании преследования бывших офицеров подробно изложены в ответном письме Одесского губвоенкома 19 ноября 1920 года: "В сентябре месяце с. г. О.Г.Ч.К. была произведена в гор. Одессе регистрация всех б. офицеров и в. чиновников, имевшая целью профильтровать и произвести изъятие из всей этой массы лиц политически не достаточно благонадежных, дальнейшее пребывание которых в Одессе должно быть признано политически небезопасным. Как результат этой регистрации, той же О.Г.Ч.К. в ночь на 16-е октября с. г. были произведены массовые аресты всех тех из б. офицеров и в. чиновников, кои по постановлению Бюро О.Г.Ч.К. <...> подлежали изъятию и отправлению в глубокий тыл Республики. Всего О.Г.Ч.К. было арестовано около 315 чел. б. офицеров и в. чиновников, причем часть из них (правда, незначительная) вскоре же по ходатайствам моим, а также и др. лиц и учреждений были освобождены, а остальные продолжали содержаться в Особой тюрьме до 7-го сего ноября, когда все они были оттуда освобождены и со всеми документами на них переданы в мое распоряжение. Ныне (с 18 ноября с. г.) Комиссией под моим председательством <...> производятся работы по окончательному разрешению вопроса о том, кто из этих б. офицеров и в. чиновников по соображениям политического и делового характера может без опасности для республики оставлен в Одессе, а кто — подлежит безусловному изъятию и отправлению в глубокий тыл Республики <...> 22-23 ноября Комиссия свои работы закончит"¹⁴.

Судя по названным датам, арестованных продержали в "Особой тюрьме" ЧК около трех недель. Можно только догадываться, в каких условиях находились эти 315 человек в сравнительно небольшом здании на Екатерининской улице, 7. Особое впечатление производит термин "изъятие" бывших офицеров! Заметно, что тексты бумаг из военкомата составлены значительно грамотнее, чем писали чекисты (в военкомате работали еще, видимо, бывшие "военные чиновники"). Чувствуется неприязнь военкомата к действиям ЧК, желание отмежеваться, продемонстрировать свою непричастность к арестам.

В архивном деле сохранился ряд обращений военкомата в редакцию местной газеты "Известия" с просьбой напечатать объявления такого рода: "Приказываю всем б. офицерам и в. чиновникам, поименованным в помещаемом ниже сего списке, явиться 18 ноября с. г. к 10 часам утра в Следственно-судную часть Одесского губернского военного комиссариата (Пироговская 6, ком. 36)"¹⁵. Вызывали ежедневно, с 18 по 24 ноября, по 61-65 человек в день.

Сравним даты: регистрация и отправление "в тыл" ведутся уже после окончания гражданской войны на Украине. Ведь перемирие с Польшей было подписано 12 октября, а взятие Крыма завершилось 17 ноября. Никакой реальной опасности бывшие офицеры тогда не представляли.

По результатам очередной перерегистрации военкомат составил 24-25 ноября три новых списка: "<...> подлежащих отправлению в Киевский окрвоенкомат для дальнейшего отправления их в тыл"¹⁶ (90 человек), "оставленных на местах службы"¹⁷ (64), "оставленных как уволенных вовсе от службы"¹⁸ (90). Любопытно, по каким критериям оставляли "на местах службы", в Одессе:

"как необход. высшей школе",
 "под поручительство",
 "как врача",
 "как члена партии",
 "как необход. Укрепрайону",
 "как крестьян. землепашца"...

Через неделю, с 1 по 5 декабря, последовали повторные вызовы: "<...> имея при себе <...> 1) Удостоверение личности с места службы, 2) Учетную карточку Уездвоенкомата, 3) Регистрационную карточку О.Г.Ч.К. и 4) Свидетельство Высшей приемной комиссии о состоянии здоровья"¹⁹. Упомянуто 265 фамилий, известных уже по предыдущим спискам. На этот раз всех обязали заполнить специальные анкеты (они были заказаны в типографии Губвоенкомата еще 10 ноября²⁰). Приводим полный текст одной из них²¹:

АНКЕТА

для бывших офицеров и военных чиновников

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	<i>Слабченко</i>
2. Имя отчество	<i>Михаил Елисеевич</i>
3. Возраст	<i>38 л.</i>
4. Род оружия	<i>По пехоте</i>
5. Воинское звание и последний чин в старой армии	<i>Капитан</i>
6. Какие должности занимали в старой (царской) армии	<i>Нач. ком. связи, ад'ютант, зав. собир. военно-ист. докум.</i>

7. Служили ли в Красной Армии *Не служил*
и какие должности
в ней занимали
8. Где вы служили *Профессор Университета*
или работаете теперь и какую
должность занимаете
9. Где вы служили *В кооперативе "Централ"*
при добровольцах
(осенью-зимой 1919 г.)
10. Происхождение *Сын мещанина*
11. Социальное положение *Пролетарий*
12. Какой местности уроженец *Одессы*
13. Давно ли проживаете *Со дня рождения*
в г. Одессе
14. Семейное положение *Женат — имею жену и сына*
15. Партийная принадлежность *Не партийный*
16. Ваши политические *Республиканец*
убеждения
17. Кто из ответственных *видных коммунистов не знаю*
партийных или советских
работников знает и может Вас
рекомендовать
- Подпись регистрируемого *М. Слабченко*
Адрес *25 Мастерская кв. 22*
4 декабря 1920 г.
гор. Одесса

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ

Оставить негодный

[Приписка карандашом] *8736/ св. о болезни*

Председатель Комиссии *П. Туманов*

Члены Комиссии *П. Туманов*

М. Слабченко (1882-1952) — известный одесский историк, автор ряда книг и статей по государственному устройству и экономике Украины. Основные вехи его жизненного пути: окончил Новороссийский университет в 1910-м, оставлен для подготовки к профессорскому званию, получил научную командировку в Париж, в 1912-м призван на год в армию, во время войны 1914-1918 годов мобилизован, прошел путь от прапорщи-

ка до капитана, в середине 1920-х — профессор одесского "ИНО" (Институт народної освіти), в 1929-м избран действительным членом Всеукраїнської Академії наук, 20 января 1930-го арестован по сфальсифицированному делу СВУ, осужден на шесть лет ссылки, повторно арестован и выслан еще на десять лет, после освобождения работал школьным учителем, умер в нищете. Сын его, упомянутый в анкете в графе "14", — Тарас Слабченко, молодой историк, был в 1930-м осужден на три года ссылки, в 1937-м — повторно арестован и расстрелян²². Заполняя графу "7" анкеты (Служил ли в Красной Армии), Слабченко лукавил — "не служил". Но летом 1919-го, в период пребывания в Одессе "белых", промелькнула газетная информация: "В Одессу прибыл бежавший от большевиков со станции Бирзула магистрант Новорос. университета М.Е. Слабченко, который был ими в Одессе мобилизован"²³.

Вернемся к архивным томам. Списки преследуемых офицеров, рукописные и машинописные, черновые и чистовые, в алфавитном порядке или вразброд, сохранились в обеих папках во многих вариантах и копиях. Какие-то фамилии исчезали, появлялись новые, менялось количество фамилий. В некоторых видны карандашные пометки в момент регистрации, в последующих — они же внесены в машинописный текст: "Неяв.", "В тыл", "Оставить как вовсе больного", "Оставить как не подлежащего

АНКЕТА	
для бывших офицеров и военных чиновников.	
ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	<i>Слабченко</i>
2. Имя отчество	<i>Михаил Елисеевич</i>
3. Возраст	<i>38 л.</i>
4. Род оружия	<i>по нехоту</i>
5. Военное звание и последний чин в старой армии	<i>Капитан</i>
6. Какие должности занимали в старой (царской) армии	<i>Нач. ком. св-р. ад-танта, нач. св-р. войск - исф. войск.</i>
7. Служили ли в Красной Армии и какие должности в ней занимали	<i>Не служил</i>
8. Где вы служили или работаете теперь и какую должность занимаете	<i>Профессор Университета</i>
9. Где вы служили при добровольцах (осенью зимой 1919 г.)	<i>В кооперативе "Централ"</i>
10. Происхождение	<i>сын мещанина</i>
11. Социальное положение	<i>пролетарий</i>

призыву по возрасту", "Оставить по ходатайству <...>" (далее следует название учреждения или чья-то фамилия, должность). Создается впечатление, что военкомат руководствовался не столько политической неблагонадежностью бывших офицеров, сколько пригодностью их к военной службе и целесообразностью использования в новой армии, в основном — как специалистов в тыловых частях. Негодных к военной службе по возрасту или состоянию здоровья оставляли в покое.

Около 250 листов обоих дел — переписка вокруг отдельных арестованных или высылаемых. Тянется она до 30 декабря 1920 года, продолжение ее в 1921-м не обнаружено. Самые ранние из документов датированы 1-м ноября 1920-го — жалобы жен и родителей, чьи родные оказались в заключении в "Особой тюрьме". Далее, после освобождения арестованных, появляются рапорта самих "изымаемых" с попытками доказать свою лояльность к новой власти или ссылками на болезни. Подшиты справки врачей. Снова слезные просьбы жен и родителей. Коллективные обращения домовых комитетов, "собраний жильцов дома", "собраний красноармейцев" воинских частей с подтверждением благонадежности того или иного бывшего офицера. Поручительства членов партии, "знающих лично" высылаемых (в развитие пункта "17" анкеты). Оказывается, в те годы еще не боялись заступаться за репрессированных.

По каждой фамилии идет обмен письмами и пакетами документов между военкоматом и ЧК, многие с грифом "секретно", для каждого положительного решения требуется подтверждение ЧК. Все письма и резолюции ЧК подписаны Заковским, а со стороны военкомата стоит обычно подпись начальника Следственно-судной части Петра Туманова. По ряду признаков, именно Туманов выручил из-под ареста Валентина Катаева летом 1920-го года²⁴.

Сохранилось множество жалоб, протестов военных и гражданских учреждений, где служили арестованные или высылаемые, со ссылками на развал работы в результате проводимой кампании. Вот, к примеру, письмо начальника Одесского артиллерийского склада от 29 ноября 1920 года: "<...> Пред'идущими распоряжениями Губчека, личный состав служащих Артсклада до крайнего предела ослаблен из'ятием целого ряда лиц, из коих: 9 — расстреляно; 5 — отправляется в тыл из числа арестованных 16 октября; 6 — отправлены в тыл, как граждане польского происхождения и наконец еще вновь назначается 10 чел. к отправке в тыл. Таким образом, убыль личного состава служащих Одесского Артсклада выражается общей цифрой в 30, т. е. 50% штатного состава. Такая убыль губительно

отражается на деле склада и мастерских, выполняющих срочные боевые задания. Мастерские лишаются сразу двух руководителей <...> оба инженер-технологи <...>"²⁵.

Напомним, после освобождения офицеров из-под ареста были объявлены две регистрации: с 18 по 24 ноября, с 1 по 5 декабря. Каждый вызов заканчивался грозным предупреждением: "Неявившиеся своевременно по вызову будут арестованы"²⁶. Сохранились следы розыска неявившихся: "В Одесскую городскую милицию. Поименованные в приложенном списке <...> не явились на регистрацию. Прошу распорядиться об арестовании и доставлении в судно-следственную часть на регистрацию к 30 с. м."²⁷. Рядом подшиты отчеты милиционеров и справки домовых комитетов такого рода: "Мамонтов Евдоким Михайлович никогда не проживал. Значится Мамонтов Борис Тимофеевич"; "Уехал на фронт со слов секретаря дома"; "Арестован Губчека"; "Арестован ОГЧК 8/ХІ"; "Находится в Концлагере, где отбывает наказание"²⁸...

Сразу же после первой регистрации часть офицеров получила повестки: "Предписываю Вам с получением сего отправиться на Пересыльный пункт при Одесском уездкомте для отправления в Киевский окрвоенкомт. Неявка для отправления по назначению будет рассматриваться как злостное дезертирство"²⁹. Списка отправленных нет, число их неизвестно. Подшито лишь несколько повесток, датированных 30-м ноября, с приложениями ходатайствами об оставлении в Одессе. 14 декабря последовали рапорта "Зав. Пересыльным пунктом" о том, что "подлежащий отправлению в тыл <...> не явился", и "Именной список офицеров и военных чиновников, не явившихся на пересыльный пункт", от 17 декабря, из шести фамилий³⁰.

По итогам второй регистрации (с 1 по 5 декабря) все списки были пересоставлены заново, военкомат отправил 18 декабря в Губчека "Сведения о числе бывших офицеров и чиновников, арестованных в ночь на 16 октября 1920 г., прошедших через Комиссию при Одесском Губвоенкомате в ноябре и декабре 1920 г."³¹.

Всего — 308

Назначено к отправлению в тыл — 91

Оставлено под ответственность комиссаров и военкомов — 67

Оставленных как не подлежащих призыву по возрасту и негодных к военной службе — 94

Числятся больными и находятся в госпиталях — 4

Не разыскано и вновь арестовано Губчека — 9

Умерли — 1

Не проходили через Комиссию вследствие не высылки документов, список на коих послан в Губчека — 42.

Переписка, борьба между военкоматом и ЧК за отдельных офицеров продолжалась и после 18 декабря, до самого конца года, но итоги всей эпопеи до нас не дошли. Остается неизвестным, сколько офицеров и кто именно были, в конце концов, высланы из Одессы. Вероятно, эпопея заканчивалась в начале 1921 года, но документация этого периода пока не обнаружена.

Следует отметить, что все бумаги по двухмесячной регистрации офицеров и их высылке велись крайне хаотично, многие списки противоречат один другому, часть анкет утрачена. Одних и тех же людей то высылают, то оставляют. Так же хаотично, с нарушением хронологии и последовательности, собраны в двух томах документы.

* * *

Представим себе, что пережили эти 315 бывших офицеров и их близкие за два с половиной месяца ареста, "из'ятия", вызовов и регистраций, ожидания высылки. Кому-то из них удалось пока остаться дома, другие были отправлены в неизвестность — зимой, в холод и голод, в разгар эпидемий... Но ведь это была не первая волна репрессий, материалы за ноябрь-декабрь 1920 года случайно дошли до нас. А что происходило до того?

Одесса была окончательно занята Красной Армией 7 февраля 1920 года. На третий день, 10 февраля, вышел Приказ № 1 штаба Н-ской Красной Армии: "Все находящиеся в гор. Одессе и его пригородах бывшие генералы, штаб и обер офицеры и военные чиновники обязаны явиться в штаб Н-ской армии "гостиница Пассаж" в следующие сроки <...> [12 и 13 февраля]. Неявившиеся <...> подлежат ответственности по всей строгости военно революционных законов"³². Неделю спустя, 17 февраля, появилось новое объявление: "Начальник штаба Н-ской армии приказал прибыть в штаб армии (Сабанев мост, 3) всем зарегистрировавшимся генералам, <...>, прапорщикам и военным чиновникам"³³. Еще через десять дней — приказ "коменданта города Одессы и порта": "Всем офицерам и военным чиновникам бывшей добровольческой армии, как зарегистрированным <...> так и не зарегистрированным, а также и тем, кои находятся на службе в советских учреждениях и воинских частях, находящихся

в Одессе, приказываю явиться на регистрацию <...>. Виновные в неявке <...> объявляются вне закона и будут рассматриваться как шпионы и изменники советской власти"³⁴.

В течение всего 1920 года можно показать неограниченное число подобных цитат, и все с угрозами. В газете регулярно печатались чьи-нибудь приказы или извещения о регистрации "буржуазии", "бывших офицеров кавалерии", "военнообязанных", "всех лиц медперсонала", "всех лиц с высшим юридическим образованием", "эстонцев", "авиаторов", "всех военных моряков", "мужчин призывных возрастов", "всех бывших офицеров и военных чиновников", "всех граждан польской национальности", "всех медицинских врачей", "всех граждан английской, литовской и румынской национальности"... В каждой из упомянутых категорий всегда присутствовало некоторое количество бывших офицеров. И вся жизнь их проходила в явках на регистрацию. Практически, они были уже "вне закона".

Приведем выдержки из текста еще одного пространного объявления, характеризующего нравы эпохи: "От О.Г.Ч.К. Предписывается всем гражданам бельгийской и французской национальности, независимо от подданства, без различия пола и возраста от 16-ти до 60-ти лет в пятидневный срок зарегистрироваться в бюро по регистрации иностранцев при О.Г.Ч.К. <...> Служащие в военных и гражданских учреждениях, а также состоящие на службе в воинских частях от регистрации не освобождаются <...> неявившиеся <...> как контр-революционеры и шпионы <...> Милиции и домовым комитетам предписывается следить <...>"³⁵. Ладно уж, регистрировали поляков — шла война с Польшей. Но за что терзали бельгийцев?

Помимо регистраций, упомянем еще газетные репортажи о конфискации, облавах, сдаче оружия, обысках, принудительных субботниках, "чистках", разоблачениях, арестах. Современному читателю трудно объяснить, что в местных "Известиях" каждые несколько дней печатались списки расстрелянных, по 10-50 человек в каждом, и всегда в них доминировали офицеры, например: "офицер царской армии, уклонившийся от регистрации"³⁶ (всего в этом списке числилось 100 расстрелянных). Приведем опубликованные цифры за короткий период с конца июля до начала сентября 1920-го: 23 июля расстреляно 29 человек; 30 июля — 50; 1 августа — 34; 6 августа — 20; 8 августа — 21; 10 августа — 32; 14 августа — 20; 15 августа — 5; 24 августа — 22; 31 августа — 18; 3 сентября — 19; 7 сентября — 8; 9 сентября — 46 человек, и так далее.

В октябре 1920 года председатель Одесской ЧК докладывал: "За 8 ме-

сяцев работы ЧК было арестовано 8000 человек, из которых около 11 процентов расстреляно, около половины освобождено, а остальные осуждены в концлагерь, отправке на фронт, либо дела о них переданы в другие судебные учреждения"³⁷. Исследователь И. Шкляев привел еще более мрачные данные: "Всего, общее количество арестованных за 1920 г. одесской ЧК составило 10225 чел., из которых расстреляно 1418 <...> по количеству арестованных и расстрелянных ОГЧК являлась бесспорным лидером на Украине"³⁸. Сколько было среди них офицеров — никто уже не скажет.

Традиция ненависти к бывшим офицерам сохранялась до конца существования НКВД-КГБ. В 1987 году, в разгар "перестройки", в Одессе была издана книга статей и воспоминаний к 70-летию юбилею ЧК. Там есть примечательный пассаж: "По данным ЧК, в Одессе после ее освобождения насчитывалось несколько десятков тысяч бывших офицеров, не считая тех, кому удалось скрыть свое золотопогонное прошлое"³⁹.

Что представляли собой остатки "золотопогонного" офицерского корпуса к февралю 1920 года? На протяжении четырех лет войны, 1914-1918 годов более половины кадровых офицеров с военным образованием погибло. В армию непрерывно призывали гражданскую молодежь, в том числе выпускников гимназий, реальных училищ, высших учебных заведений. Были среди них инженеры, врачи, юристы, поэты, артисты, художники... Всем давали краткосрочное военное образование и присваивали младший офицерский чин (вспомним аналогичную ситуацию в период Отечественной войны 1941-1945 годов). Одни шли вольноопределяющимися и получали со временем погоны прапорщика, с одной звездочкой, других определяли в военные училища (в Одессе — артиллерийское Сергиевское) на шестимесячный курс и выпускали подпоручиками. Практически, все молодые образованные мужчины стали офицерами. Кто активно не принял советскую власть, ушли к "белым", эмигрировали. Аполитичные — остались дома для гражданской жизни. И вот, все перспективное поколение молодых образованных людей страны оказалось под подозрением у новой власти, вне закона для чекистов. Результаты налицо...

* * *

Среди 315 бывших офицеров, упомянутых в рассмотренных архивных делах, удалось проследить дальнейшую судьбу семи человек. Об одном из них, академике М. Слабченко, уже шла речь ранее. Еще шесть:

Бриксен Михаил Константинович. В списках арестованных не значится, анкета отсутствует. В деле имеются два ходатайства о его освобож-

дении: полковник, бывший помощник заведующего "Экспедиции заготовления государственных бумаг", позднее — 7-й Советской типографии, где в 1919 году печатались денкинские денежные знаки, а в 1920-м — советские. Был арестован "в ночь на 24 октября" 1920-го⁴⁰.

В компьютерном банке данных программы "Одесский мартиролог" заложена информация: "Бриксен Михаил Константинович. Родился в 1877 году в Харькове, русский, беспартийный. До ареста работал в Одесской научной библиотеке бухгалтером. Арестован 20 февраля 1938 года <...>. По постановлению тройки при УНКВД по Одесской области от 31 марта 1938 года подлежал расстрелу. Реабилитирован 26 июня 1959 года"⁴¹.

Завиша Владимир Иннокентьевич. Судя по его собственноручной анкете, 42 года. Военный инженер технолог. Полковник. Бывший заведующий артиллерийской мастерской. "Получил предложение занять должность завед. мастерской Механ. факультета Политехн. института"⁴². В одном из позднейших списков отмечено: "Тех. институт. Ост. как негодн."⁴³.

В банке данных "Одесского мартиролога" сказано: "Родился в 1878 году в Одессе, литовец, беспартийный. До ареста работал технологом-консультантом на Одесском судоремонтном заводе. Арестован 18 декабря 1937 года УНКВД по Одесской области <...>. По постановлению тройки <...> от 26 декабря 1937 года подлежал расстрелу. Реабилитирован 21 декабря 1956 года".

Одновременно с В.И. Завишей был арестован его сын: "Завиша Владимир Владимирович. Родился в 1910 году в Одессе, литовец, беспартийный, до ареста работал преподавателем Одесского водного института, проживал по Вагнеровскому переулку 4 кв. 5. Арестован 18 декабря 1937 <...>. По постановлению особого совещания при Наркоме внутренних дел СССР от 15 февраля 1938 года заключен на 10 лет в исправительно-трудовые лагеря. Реабилитирован 2 июля 1946 года". По возвращении работал в Одесском высшем мореходном училище. Доктор технических наук, профессор⁴⁴. Умер в 1982 году.

Лобачев Николай Иванович. Анкета не сохранилась. В одном из ранних списков числится: "22 [лет]. Прапорщик"⁴⁵, в позднейшем: "Младш. инстр. Тербатокр. Оставить как коммуниста"⁴⁶.

В банке данных "Одесского мартиролога": "Родился в 1898 году в Одессе, русский, беспартийный. До ареста работал радиотехником на Одесском судоремонтном заводе. Арестован 17 сентября 1937 года УНКВД по Одесской области <...>. По постановлению тройки <...> от 29 октября 1937 года подлежал расстрелу. Реабилитирован 7 сентября 1957 года".

Нестурх Михаил Федорович. По его анкете: 25 лет. Артиллерия. Подпоручик. "Служу в Политпросвете Одгубвоенкомата лектором. Учитель"⁴⁷. В одном из списков: "Ост[авить] как необх[одимого] Политпросвету"⁴⁸. Сын известного архитектора Ф.П. Нестурха (1857-1936), строителя здания Одесской гос. научной библиотеки. По позднейшим опубликованным биографиям М.Ф. Нестурха: родился в 1895 году, в 1916-м окончил Новороссийский университет. В 1920-х прошел курс аспирантуры при Институте антропологии Московского университета, где работал до старости. Доктор биологических наук (1962), профессор (1967)⁴⁹. Автор многих книг и статей, первые из них были напечатаны в Москве в 1923 году⁵⁰.

Фесенко Сергей Ефимович. Анкета не сохранилась. По спискам: "27 [лет]. Поручик"⁵¹; "Зав. 8-й Сов. типогр. Ост. как уволен. от воен. службы"⁵². Один из сыновей известного одесского типографа Е.И. Фесенко (1850-1926).

В банке данных "Одесского мартиролога": "Родился в 1893 году в Одессе, украинец. До ареста работал инженером-землеустроителем в Свеклосахаротресте, проживал в Одессе. Арестован 16 февраля 1938 года УНКВД по Одесской области <...>. По постановлению тройки <...> от 23 марта 1938 года подлежал расстрелу. Реабилитирован 17 июля 1989 года".

Цомакион Борис Федорович. Анкета не сохранилась. По спискам: "41 [лет]. Прапорщик"⁵³; "Старш. препод., инструктор. Террбатокруга. Оставить как необход. высшей школе"⁵⁴.

В банке данных "Одесского мартиролога": "Родился в 1879 году в Одессе, русский, беспартийный; профессор, заведующий кафедрой Одесского института связи, проживал по улице Баранова, д. 21, кв. 2. Арестован 24 января 1931 года ОГПУ по Одесской области <...>. По постановлению ОГПУ УССР от 12 октября 1931 года дело прекращено за недоказанностью обвинения, из-под стражи освобожден. Вторично арестован 26 апреля 1938 года УНКВД по Одесской области <...>. По постановлению особого совещания при НКВД СССР от 11 января 1940 года подлежал ссылке в Красноярский край на 5 лет. Реабилитирован 25 октября 1957 года". По окончании срока ссылки в 1943 году поселился в Красноярске, был профессором местного Педагогического института. Умер в 1955 году⁵⁵.

Сын его, Цомакион Георгий Борисович. "Родился в 1903 году в Одессе, русский, беспартийный; преподаватель Одесского политехнического института. Арестован 31 января 1930 года ОГПУ по Одесской области

<...>. По постановлению тройки <...> от 20 февраля 1930 года лишен права проживания в 12 пунктах СССР на 5 лет. Реабилитирован 3 сентября 1989 года".

Итак, прослежена жизнь семи офицеров из 315, арестованных в октябре 1920 года. Всего 2 процента из списка. Этого, конечно, мало для серьезных выводов, но общая тенденция прослеживается достаточно четко. Из семи человек четверо были расстреляны в конце 1937 — начале 1938 годов. Двоих арестовывали дважды: в начале 1930-х, затем в 1937-1938 годах, отправили в ссылку. Уцелел лишь один — благодаря тому, возможно, что сразу же, в начале 1920-х, уехал из Одессы, ускользнул из поля зрения местных чекистов. А списки бывших офицеров были, без сомнения, у них под руками как источник для последующих репрессий. В трех случаях вместе с отцами арестовали, расстреляли, сослали сыновей. И последнее наблюдение: все семь были представителями интеллигентных профессий, трое со временем стали учеными, равно как и их сыновья. Будущим исследователям стоило бы проследить дальнейшие судьбы всех 315 офицеров из того злополучного списка. При самом беглом просмотре в первом томе "Одесского мартиролога" (Одесса, 1997) среди двадцати шести тысяч репрессированных обнаружено уже 35 человек из списка 1920 года, 20 из них значатся расстрелянными.

#

Материалы по затронутой теме были представлены автором статьи на "I Міжнародній конференції "Архів. Документ. Історія. Сучасність", організованій Гос. архивом Одеської області 11-12 вересня 2000 г. в Одессі, згодом опубліковані в збірці "Архів. Документ. Історія. Сучасність". Збірка наукових статей та матеріалів. / Праці Державного архіву Одеської області. — т. 4 — Одеса, 2001, сс. 118-128.

Примечания

¹ГАОО. — Ф. Р-4509. — Оп. 1. — Д. 63 и 64:

Д. 64, л. 288-289 идентичны л. 167-168 в деле Д. 63;

Д. 64, л. 290-292 идентичны л. 18-20 в деле Д. 63;

Д. 64, л. 293-296 идентичны л. 229-232 в деле Д. 63.

²Там же. — Д. 64. — Л. 1

³Там же. — Л. 375.

⁴ГАОО. — Ф. Р-1046. — Оп. 1. — Д. 102. — Л. 6. — Искренняя благодарность

И.Л. Комаровскому, разыскавшему анкету и предоставившему ее для публикации.

⁵Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. — М., 1937. — С. 680. — 3 июля 1937.

⁶Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. — М., 1938. — С. 106. — 29 января 1938.

⁷Зинько Ф. Кое-что из истории Одесской ЧК. — Одесса, 1998. — С. 57.

⁸Д. 64. — Л. 2-4.

⁹Д. 63. — Все дело.

¹⁰Д. 64. — Л. 2. — Позднее, 22 ноября 1920, Заковский прислал в Военкомат новый список бывших офицеров, содержащий 282 фамилии (см. л. 175-179).

¹¹Д. 64. — Л. 1.

¹²Д. 64. — Л. 44, 45.

¹³Д. 64. — Л. 53.

¹⁴Д. 64. — Л. 51.

¹⁵Д. 64. — Л. 7-18.

¹⁶Д. 64. — Л. 19-23.

¹⁷Д. 64. — Л. 24-26.

¹⁸Д. 64. — Л. 27-28.

¹⁹Д. 64. — Л. 181-182, 192-193, 209-210, 225-226, 233-234.

²⁰Д. 64. — Л. 49-50. — Тираж 400 экз.

²¹Д. 63. — Л. 189.

²²Академік М.Є.Слабченко: Повернення в історію // Вісник Академії наук України. — Київ, 1993. — № 2. — С. 37-55.

²³Одесские большевики // Одесский листок. — 1919. — 19 авг. (1 сент.). — С. 1.

²⁴Луцки С. Реальный комментарий к повести Валентина Катаева “Уже написан Вертер” // Катаев В. Уже написан Вертер; Луцки С. Реальный комментарий к повести. — Одесса: Optimum, 1999. — С. 81, 225.

²⁵Д. 64. — Л. 99.

²⁶Например: Д. 64. — Л. 7 и др.

²⁷Д. 64. — Л. 246. — 27 ноября 1920. — Приложен список из восьми фамилий, л. 247.

²⁸Д. 64. — Л. 248-260. — От 30 ноября по 9 декабря 1920.

²⁹Д. 64. — Л. 333 и далее.

³⁰Д. 64. — Л. 352.

³¹Д. 64. — Л. 301.

³²Известия Одесского революционного комитета. — 1920. — 11 февр. — С. 2.

³³Известия Одес. <...> — 1920. — 17 февр. — С. 2.

³⁴Известия Одес. <...> — 1920. — 27 февр. — С. 2.

³⁵Известия Одес. <...> — 1920. — 30 июня. — С. 2.

³⁶Известия Одес. <...> — 1920. — 26 нояб. — С. 2.

³⁷Одрукроста. — Одесса, 1920. — 18 окт. — С. 1.

³⁸Шкляев И.Н. Одесская Губчека как орган внесудебной репрессии // Записки исторического факультета Одес. гос. университета. — Вып. 5. — Одесса, 1997. — С. 282.

³⁹“... А главное — верность”: Очерки, статьи, воспоминания о чекистах Одесщины. — Одесса, 1987. — С. 95.

⁴⁰Д. 64. — Л. 72, 73.

⁴¹Распечатка из компьютерного банка данных программы “Одесский мартиролог”. Сент. 2000. — Искренняя благодарность Л.В. Ковальчук, предоставившей эту и последующие распечатки.

⁴²Д. 63. — Л. 198. Анкета. — По информации А.М. Ясиновского, внука В.И. Завиши, он в 1916 году получил генеральский чин, о чем умолчал в анкете.

⁴³Д. 64. — Л. 288, об. — № 29.

⁴⁴Поддержать молодых ученых // Судходство. — Одесса, 2000. — № 7-8. — С. 20.

⁴⁵Д. 64. — Л. 3. — № 194.

⁴⁶Д. 64. — Л. 26. — № 52.

⁴⁷Д. 63. — Л. 27. — Анкета.

⁴⁸Д. 64. — Л. 289. — № 7.

⁴⁹Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — Т. 17. — М., 1974. — С. 523; Урысон М.И. Михаил Федорович Нестурх: (К 70-летию со дня рождения) // Вопросы антропологии. — Вып. 20. — М., 1965. — С. 149-153.

⁵⁰Одес. гос. науч. б-ка. Отдел рукописей. — Ф. 76. — Картон 3. — Д. 971.

⁵¹Д. 64. — Л. 2, об. — № 121. — Фамилия ошибочно напечатана “Фисенко”, но в других списках — “Фесенко”.

⁵²Д. 64. — Л. 28. — № 64.

⁵³Д. 64. — Л. 3. — № 188.

⁵⁴Д. 64. — Л. 25, об. — № 26.

⁵⁵Смирнов В. Жизнь и смерть профессора Бориса Цомакиона // Вестник Региона. — Одесса, 1999. — 24 дек. — С. 6.

